

Церковная геральдика в России. Традиции. Проблемы. Перспективы¹

«Многочастне и многообразне древле Бог, глаголавый отцем во пророцех, в последок дней сих глагола нам в Сыне» – так начинается одно из важнейших посланий апостола Павла (Евр.1:1,2). С тех пор христианское сознание живет уверенностью, что язык образов, являющий нам реальности иного мира, есть язык Бога и Его Церкви. Зримое представление о прообразе и его сути, которую человек воспринимает через образ, сделало возможным и необходимым церковное иконопочитание. VII Вселенский собор, собранный в 787 г. в Никее, свидетельствовал, что икона служит подтверждением того, что *«Бог-Слово истинно, а не призрочно вочеловчился»*, *«потому что такие вещи, которые друг на друга указывают, несомненно друг друга и уясняют»*. Икона, «пропитанная» энергией Божества, сообщает человеку Его непостижимую сущность, преображая его и приобщая к высшей жизни. Поэтому богословие говорит об «иератическом реализме» иконы, не называя ее символом.

Латинский Запад, решительно выступив против иконоборчества византийских императоров, в целом холодно отнесся к горячей богословской дискуссии о почитании икон. Придворные богословы Карла Великого, задетые тем, что их не пригласили к участию во Вселенском соборе, оценили его деяния около 794 г. в своих «*Libri Carolini*». Здесь впервые схоластика противостояла «*contra errores Graecorum*», считая, что восточно-христианские богословы заблуждаются, призывая воздавать иконе *почтительное поклонение* – проскинесис, который изначально был частью придворного ритуала. Не только ошибки перевода соборных деяний стали тому виной. «Галльский острый смысл и сумрачный германский гений» использовали образ в церковной жизни в первую очередь как набор знаков, своеобразный текст, подлежащий прочтению и истолкованию, и лишь в глубинах своей религиозной психологии чтит в иконе присутствие Божественного Первообраза. В этой культуре, прежде всего человек пытался понять образ, и лишь потом образ открывал себя человеку.

Однако история Европы настоятельно требовала, чтобы образ и цвет восполнял «зияющие высоты» ее культуры. В силу развития своеобразной герменевтики образа здесь со временем получила распространение геральдика как некое преломление традиций сакральной иконографии в пространстве мирского. Герб, будучи мирской ипостасью иконы, выражал в культуре сокровенное. Но если икона распечатлевала

¹ Статья была написана в 2003 году, когда автор был членом Геральдического совета при Президенте РФ, и по независящим от автора обстоятельствам не опубликована. Несмотря на существенно изменившийся общий контекст, выход в свет других статей по теме и некоторые устаревшие пассажи (например, упоминание поздних частей ОГ как неопубликованных или отсылку к постановке на геральдический учет, каковая практика в настоящее время приостановлена Геральдическим советом), настоящая публикация предлагается вниманию читателей ввиду того, что обсуждаемая проблема так и не нашла практического решения, и прежде всего – как отзвук профессиональных дискуссий двадцатилетней давности, отмеченных несколько иным видением перспектив.

Откровение, окутанное тайной «Божественного мрака», то герб выявлял имя и род человека, чье лицо было сокрыто сумраком доспехов. Герб стал атрибутом феодальной рыцарской культуры родовых корпораций, тогда как икона была частью общинной культуры корпораций духовных. И икона, и герб стали знаком владельца, но если икона говорила о принадлежности христианина и церковной общины Богу, то герб указывал на ограниченность человеческих прав в пространстве и времени. Однако, если метафизически герб и был противоположен иконе, то в истории он иконе не противостоял. Посюсторонняя геральдика и сакральная иконография разнились в культурном пространстве, как по времени появления, так и по сфере применения. Употребление герба не противостояло исключительной роли иконы в христианской культуре средневековья: существенные (сущностные) различия между ними не позволяли появиться какому-либо антагонизму.

Стоит оговорить, что здесь не идет речь и об антагонизме их «родин». Как было бы данью худшим ересям видеть человеческое и Божественное лишь в аспекте противостояния, так было бы совершенно надуманно предполагать принципиальный антагонизм Запада, вооруженного геральдикой как системой светской репрезентации, и Востока, озабоченного лишь репрезентацией того, что не от мира сего. Та система сакральной образности, которую мы связываем с понятием *иконы*, никогда не была вполне чужда западному христианству; тогда как Византии всегда была знакома секулярная символика (ярким примером таковой может служить римский орел, отчетливо смердевший Юпитером, но, в конце концов, христианизированный именно через десакрализацию).

Более того, было бы несправедливо забывать о взаимном влиянии. Скажем, геральдика, как она есть, никогда бы не могла сложиться без греческих притч «Физиолога»: именно к ним восходит не только генеалогия гербовой фауны, но и сам принцип глубокого религиозного насыщения светской системы знаков. С другой стороны, уместно вспомнить то, как Восток, терзаемый сомнениями в собственной культуре иконопочитания, был действительно поддержан Западом.

И если Запад получил дар изощрения в обозначении мирских реалий, а Восток – в обозначении реалий горних, то взаимное дополнение этих тенденций очевидно. Но достижение подлинного, не поверхностного синтеза требовало времени. Геральдику, победно пронесшуюся по Западной и Средней Европе, многие представители христианского Востока сочли чуждой причудой – вместе с теми социальными структурами и стереотипами, которые она, геральдика, привыкла обозначать. Когда же балканские государи и знатные роды стали постепенно принимать гербы, грянуло турецкое нашествие, вынудившее культуру православной символики скорее выживать, нежели развиваться.

Средневековье отличается от любой другой эпохи предельной близостью границ Церкви и общества. Достояние светской жизни неминуемо и скоро воцерковлялось. Если появление самых первых гербов приходится, скорее всего, на середину или третью четверть XII века, то уже епископ Гийом Лангрский (1209-1215) учредил герб для своей епархии; а «Цюрихский гербовник», датируемый второй четвертью XIV

столетия и являющий собою панораму европейской геральдики (всего – 478 гербов), в качестве важной ее части представляет 27 гербов католических прелатов. Церковные гербы стали появляться на печатях, памятниках христианского искусства, монетах. Постепенно вырабатывались нормы, как правовые, так и композиционные, для оформления церковных гербов. Изображение тиары с тремя коронами и ключей апостола Петра со временем стало исключительной принадлежностью папского герба; *кардинальская шляпа*, пожалованная этим церковным сановникам папой Иннокентием IV в 1245 году, приобрела значение не только церемониального, но и геральдического атрибута: меняя свои цвета и количество свисающих кистей, она стала, в конечном счете, обычной принадлежностью епископского (а позднее и вообще клерикального) герба.

Католические прелаты часто использовали собственные родовые или личные гербы с прибавлением атрибутов сана; в целом принципы оформления герба перешли в церковную геральдику из светской.

Необходимо сказать, что не все в Церкви однозначно восприняли распространение здесь геральдических символов: некоторым казалось, что с гербами, пышными росписями и прочими «излишествами» тщеславие и «дымное надмение мира сего» постепенно проникает в церковную ограду. Однако вскоре обычай стал практически всеобщим. Права приобретения, потери и, прежде всего, внешнего оформления герба оказались регламентированы не только устойчивыми обычаями, но и каноническим правом Западной Церкви. Первый геральдический закон «*Militantis Ecclesiae*» был издан папой Иннокентием X в 1664 г. Он ограничивал использование символов светской власти, в частности мечей и корон, в личной геральдике высшего духовенства; окончательно эти атрибуты были запрещены декретом папы Пия XII «*De vetito civilium*» в 1957 г. Последней по времени реформой такого рода стал в 1969 г. акт (*Motu proprio*) Павла VI, предписавший скромное единообразие для гербов священнослужителей и исключивший из них митры и жезлы. Сегодня все эти положения внесены в фундаментальное органическое узаконение Римско-Католической Церкви – *Corpus iuris canonici* – и подлежат неукоснительному соблюдению¹.

Примечательно, что на протяжении Позднего Средневековья и Нового Времени протестантские церкви, отошедшие в эпоху Реформации от Рима, имеют теперь свои собственные системы гербов, в той или иной мере перекликающиеся с тем, что принято в Католической Церкви.

На протяжении долгого времени христианский Восток в лице Византии и ее окружения не знал своей геральдики. Как уже говорилось выше, вполне успешные опыты в этой сфере были сметены оттоманским нашествием. Это не значит, что церковная жизнь вообще могла обходиться без знаков, эмблем и символов, не имевших непосредственно сакрального содержания. Однако их употребление не было столь распространенным, их внешние формы не стали столь разнообразными и проработан-

¹ Heim B.D. *Coutumes et droit heraldiques de l'Eglise*. Paris, 1949; Heim B.B. *Heraldry in the Catholic Church. Its origin, customs and laws*. Buckinghamshire, 1981.

ными, а главное, их использование не было четко регламентировано каноническим правом. Система правовых образов в Восточной Церкви не может быть отождествлена с латинской церковной геральдикой хотя бы уже потому, что она не выполняла в повседневной и юридической культуре те же функции.

Гербы и представленная ими геральдическая система свидетельствовали о глубокой персональной осознанности личной принадлежности к фамилии, роду либо к канонической общности как «духовной семье», что и позволяло помещать родовой герб на владельческих предметах и проецировать светский опыт на церковные практики. Система знаков и образов, используемая Восточной Церковью, предполагала, прежде всего, общинный характер осуществляемых полномочий, а патрональные изображения свидетельствовали о посвященности самой корпорации Богу, Богородице или святому. Ощущение личной причастности и персональной ответственности отступало на второй план. Оно, надо сказать, находило весьма наглядное выражение в эпиграфике, но не в системе зримых образов. Образно-эпиграфическая система, представленная, прежде всего в сфрагистике, как бы копировала богослужебные тексты, где в обращении к Богу вместо «Я» стоит «Мы», а когда речь заходит об общинных заслугах, то лик смиренно отвечает: «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему дай славу» (Пс.113:9). В историческом плане церковная эмблематика христианского Востока может быть осмыслена как явление, стоящее в едином культурно-типологическом ряду с западноевропейской геральдикой; но она не была ни аналогом геральдики, ни равновесным ей явлением.

Здесь опять-таки было бы неверным преувеличивать несходство восточных и западных тенденций. Несходство итоговых форм не должно скрывать общность многих исходных положений. Здесь уместно привести наглядный пример. Риторико-символическое сопоставление отношений архиерея и епархии с брачным союзом известно и на Востоке, и на Западе. Прямой перенос форм супружеских гербов в гербы прелатов явилось закономерным проявлением этого мотива в геральдике средневекового Запада – на Востоке же в ту пору не было ни супружеских гербов, ни, как следствие, переноса форм.

Как мы уже сказали, знаково-образный язык восточно-христианской эмблематики наиболее полно проявился в изображениях на печатях. Начиная с VI в. и вплоть до позднего Средневековья Византия пользовалась металлической вислой печатью, образцы которой, в соответствии с материалом, именовались моливдовулы, аргировулы и хрисовулы. Именно эта традиция и была воспринята Древней Русью. Однако в отличие от византийской буллы русские печати достаточно редко несли на себе надпись, свидетельствующую о том, кому именно она принадлежит. Исключение составляли печати церковных иерархов, оформлявшиеся в большинстве случаев в последовательном соответствии с правилами византийской сфрагистики¹.

¹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. X-XV вв. Т. 1, 2. М., 1973; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998.

Эволюция иконографии на печатях русских митрополитов хорошо известна. Она начинается изображением св. Иоанна Предтечи – покровителя Студийского монастыря, характерным как для печатей митрополита Феопемта (1039), очевидно, выходца из этой обители. На печати митрополита Георгия (1065-1076) неожиданно появляется изображение его собственного небесного покровителя. Поясной образ Божией Матери «Знамение», ставший со временем, господствующим в древнерусской сфрагистике, появляется впервые на печатях митрополита Николая (1092-1104). Со второй половины XII в. главным становится изображение Божией Матери в рост. Очевидно, что эта иконография зависит от Богородичной иконы храма Софии Киевской, представленного образом Божией Матери «Нерушимая Стена». Нам так же известны архиерейские печати некоторых епископских кафедр Древней Руси: Новгорода, Ростова, Галича, Смоленска и Полоцка. Для этих печатей также характерна эволюция от патрональных изображений в начале XII в. к образу Божией Матери «Знамение» в полный рост со второй половины XII в.

В XIV в. Московская Русь переходит на употребление воскомастичной печати. Из митрополичьих печатей XIV – первой половины XV вв. известны лишь печати свв. Алексия и Ионы (1448-1461), несущие на себе поясное изображение Божией Матери «Знамение». Следующий этап в развитии архиерейской печати связан с попыткой фактического осуществления автокефалии Русской Церкви 1448 г. и разрывом с Константинополем. Начиная с митрополита Феодосия (1461-1464 гг.) на митрополичьих печатях присутствует новый образ Божией Матери в типе Кипрская, свойственный печатям Вселенских патриархов. Это изображение на константинопольских печатях, несущих на аверсе многострочную греческую надпись, означающую «Божией милостью, Архиепископ Константинополя-Нового Рима и Вселенский Патриарх», возникает во время правления патриарха Козмы II (1146-1147). Именно с этим изображением должно было ассоциироваться на Руси представление о независимой, высшей и автокефальной церковной власти. Копирование печати Константинопольских патриархов можно назвать своеобразной «сфрагистической узурпацией» по аналогии с узурпацией геральдической.

Новый образ на печатях появляется при митрополите Данииле (1522-1539) Это благословляющая десница, сопровождаемая круговой легендой: «Рука митрополита Даниила всея Руси». Лаконичный метафоризм этой композиции отчетливо перекликается с образностью европейской церковной геральдики (впрочем, какой-либо прямой прототип неизвестен). Известна еще воскомастичная печать архиепископа Новгородского Симеона (1415-1421), сохранившаяся при договоре Новгорода с Ригой 1416 г., где также имеется изображение десницы; однако подлинность этой печати вызывает сомнения.

На архиерейском соборе 1564 г. в Москве состоялась дискуссия, которая положила начало широкой церковноправовой реформы. Московский митрополит получил право носить белый клобук и иметь печать красного воска. До сего времени такими правами пользовались архиепископы Новгородский и Казанский, что связывается с особым великокняжеским пожалованием. Сфрагистический тип, утвержденный на

соборе и предполагавший на аверсе благословляющую руку и имя митрополита, а на реверсе – Печерский образ Божией Матери, сохранялся вплоть до патриарха Никона (1652-1681).

Очевидно, лишь после реформы русского богослужения в 1666-1667 гг., образ Божией Матери Печерской исчезает из русской архиерейской сфрагистики, как существенная принадлежность печати Вселенских Патриархов. Образ Знамения Божией Матери присутствует среди изображений в Большой государственной книги 1672 г., где соответствующие иконы являются своеобразными геральдическими символами пяти восточных патриархов. Однако совсем скоро Большая печать патриарха Адриана (1690-1700) несет на реверсе образ Успения Матери Божией¹. Синодальная эпоха принесет иные представления об архиерейских печатях, связанные своим происхождением с европейской геральдикой и религиозной эмблематикой. Главным типом изображения становятся архиерейские руки, скрещенные в благословляющем жесте. Пожалуй, старейшая из известных печатей такого рода принадлежит Патриаршему Местоблюстителю, митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану (Яворскому); она сохранилась при документе 1708 г.² До сих пор именно этот символ присутствует на личных печатях архиереев Русской Православной Церкви. Иногда, как у Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Ридигера) руки увенчаны изображением митры, а на печати митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова) присутствуют дополнительные литургические символы – архиерейский жезл и орлец. Порой к изображению рук добавляется крест; встречаются и комбинации орлеца, омофора, жезла, тогда как благословляющему жесту уже не остается места. Лишь архиепископ Новгородский и Старорусский Лев (Церпицкий) в соответствии с древней традицией пользуется оттиском печати с образом Божией Матери «Знамение».

Примечательно, что законодательство Российской империи с 1836 г. выдвигало бюрократическое препятствие развитию церковной геральдики, поскольку требовало от духовных консисторий, соборов, приходов и церковных старост употребление однотипных печатей, на которых соответственно были изображены двуглавый орел, стилизованный храм в древнерусском стиле и два ключа.

Вернемся, однако, к более ранней эпохе. Указанные выше образы и их сочетания не были единственными в древнерусской сфрагистике. Некоторые епископы, например, Дамиан Юрьевский (1147, 1154) использовал на своей печати икону своих небесных покровителей свв. Космы и Дамиана, некоторые епархии пользовались печатями с изображением храмовой иконы своего епископского собора. Подобная ситуация существовала и в Новгороде. Здесь известны печати архиепископа Ионы (1458-1470), где изображен Спаситель, что справедливо связывается с отправлением архиепископом государственных функций, булла архиепископа Евфимия I (1424-

¹ О присылке в Св. Синод бывших патриарших серебряных и о печатании указов Казенного приказа малою Св. Синода печатью. 12 февраля 1722 года // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. 2. 1722. СПб., 1872. № 400. С. 54-55.

² Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. Ноябрь 2000 - февраль 2001. М., 2000. С. 69. № 198. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 1.

1429), где изображен Голгофский крест на подножии, а также печати более раннего времени, принадлежащие архиепископам Митрофану (1201-1212, 1220-1223) и Спиридону (1229-1249), где присутствуют тезоименитые владыкам святые. Возможно, печати с патрональными изображениями использовались для скрепы личной переписки, тогда как печати с образом Божией Матери утверждали общепархиальные документы. И сегодня архиереи Русской Церкви пользуются, помимо именной печати, текстовой печатью-штампом с легендой «Управляющий N-ской епархией» и без изображений.

В XVI-XVII вв. становятся известны печати низшего духовенства и церковнослужителей. В основном они имеют лишь надпись со стандартной формулой указания, включающей в себя имя владельца печати и его должность¹. Однако иногда на них изображены различные геральдической фигуры: птица, единорог, иное фантастическое животное. Известна печатка московского священника XVII в., где на аверсе имеется надпись «Печать попа Даниила Анисимова / Пожаловать причастить святых Христовых Таин поп Даниил челом бьет», а на реверсе помещено изображение ключей². Это свидетельствует о проникновении элементов европейской геральдической культуры не только в сознание русского общества в целом, но и в повседневный быт православного духовенства. Впрочем, для большинства духовенства был характерен эпиграфический тип печатей, содержащей легенду с указанием имени и занимаемой должности.

В этом отношении XVII столетие являет нам образцы подлинного геральдического творчества, связанного с выдающимися иерархами Православной Церкви. В нескольких вариантах (1632-1639 гг.) известен герб митрополита Киевского Петра (Могила, 1574-1647). Пышный многопольный щит, объединяющий территориальные гербы, молдавский и валахский, с исконными фамильными символами, повествует об истории рода. Щит увенчан митрой, с правой стороны из-за щита выступает выносной крест, с левой – архиерейский жезл. Существует вариант, где вместо митры использована шляпа наподобие кардинальской. В соответствии с гербом Петра Могила оформлен герб патриарха Никона (1652-1681), помещенный в редкой книге «Рай мысленный» (1658 г.). В первой четверти щита изображено Евангелие, во второй – благословляющая именованным перстосложением десница, в третьей – ключ, в четвертой – пятисветник. Над щитом – митра (узнается фасон «венцеподобной митры» Никона) и панагия. В качестве щитодержателей использованы два ангела. За щитом – предносной крест и жезл. В 1648 г. стал известен герб архимандрита Киево-Печерской Лавры Иосифа Тризны, где щит был дополнен митрой, жезлом и посохом. Как мы видим, оформление всех этих гербов соотносилось с традициями, принятыми в геральдике Католической Церкви, однако речь шла не о слепом подражании, а о заимствовании и переосмыслении внешних форм. Для митрополита Петра, выросше-

¹ Иванов П.И. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском Архиве министерства юстиции. М., 1858.

² Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. Ноябрь 2000 - февраль 2001. М., 2000. С. 58. № 159; ГИМ 93366 КП 817006.

го, выученного и жившего в католическом окружении, такое заимствование могло бы казаться вынужденным, если не естественным. Однако патриарх Никон всегда ориентировался на православную культуру христианского Востока. В данном случае такое заимствование должно иметь более глубинные основания.

И такие основания имеются. В свое время протоиерей Г. Флоровский без воодушевления, но и без сожаления писал о «латинском пленении» православного богословия. Встреча России с Западом закончилась победой схоластической риторики над тяжеловесными формулами византийской гомилии. Однако природа Церкви и логика церковной мысли обратили мнимое поражение в подлинную победу. Православное богословие заимствовало чуждый патристике язык латинской схоластики и обратило его к служению церковным задачам, не погрешив при этом против неизменной сути Священного Предания. В XVII-XIX веках произошло то, что происходило с евангельской проповедью и церковной культурой во все времена. В задачи Церкви не входит открытие новых истин веры и «изобретение» особого языка, посредством которого эти истины проповедуются. Богословие призвано раскрыть единожды данное Божественное Откровение теми средствами, которые будут понятны и доступны современнику. Церковь использует особый метод, с помощью которого язык современных ей культуры и общества становится ее собственным языком. Этот метод именуется рецепцией, предполагающей, что богословие заимствует из окружающего мира и из предшествующей, иногда даже языческой культуры, слова, символы и образы, которые переосмысливаются, наполняются церковным содержанием и используются в евангельской проповеди. Так великие «отцы-капподокийцы» изложили православную триадологию языком неоплатонической философии, античная базилика стала православным храмом, а церковная иконопись утвердилась на основах эллинистического искусства. Процесс церковной рецепции незакончен. На каждом следующем этапе церковного развития, когда время бросит Церкви очередной вызов, совершается заимствование, позволяющее дать миру ответ на понятном для него языке.

Именно так и поступила церковная геральдика в России в Синодальный период. Собственно говоря, особых принципов своего существования она так и не выработала, хотя «отец русской геральдики» Франческо Санти в 1720-1724 гг. по указанию Петра Великого пытался создавать проекты гербов русских монастырей. Вместе с тем, приняв в 1686 г. в свой состав епархии Киевской митрополии Вселенского Патриархата, русская Церковь приняла и присущие им геральдические обычаи. Архиереи, происходившие из дворянских родов, охотно использовали в своей обиходной культуре и делопроизводстве личные и родовые гербы. Так поступал и свт. Ростовский Дмитрий (Туптало, 1702-1709), а митрополит рязанский Стефан (Яворский) в качестве своего геральдического символа использовал не только родовую герб, но и митру с рыцарским плюмажем, пронзенным стрелой. Однако существовало и самостоятельное церковное творчество. Архиепископ Московский Августин (Виноградовский, 1811-1819), не имевший собственного родового герба, размещал свой именной вензель в гербовом щите, который был окружен атрибутами сана и орденовыми наградами. Митрополит Валашский Анфим I (1713) использовал в своем щите, находящимся в

окружении креста, жезла, митры и шляпы с кистями, образ исполненный глубокого «смирненного символизма» – улитку, тянущуюся к звезде. Изображенные у щита пальмовые ветви образовывали своеобразный «венец чистоты», нередко усваиваемый женским и даже девичьим гербам. Стоит отметить, что некоторые архиереи и архимандриты в XVIII столетии использовали в своих гербах и геральдических знаках вместо щита ромбовидный контур церковной палицы. Палица по своим формам соответствует ромбоидальному «девичьему» щиту европейской геральдики. Так геральдическим языком была выражена *инаковость* духовного лица по отношению к «мужским» щитам светского нобилитета. Церковные атрибуты в это время превратились в элементы Высочайшего пожалования. Так, в фамильный герб рода Подобедовых (ОГ V. 57) была пожалована митра (названная в блазоне архиерейской шапкой), напоминающая о «знаменитом архиерейском сане» представителя этой фамилии митрополита Санкт-Петербургского Амвросия (1799-1818), Первоприсутствующего члена Святейшего Синода¹. Определенные правила сложились при оформлении Высочайше утвержденных гербов духовенства и выходцев из духовного сословия, получивших из-за своих орденовских наград права на дворянства. Эти гербы преимущественно помещены в тех томах дворянского Гербовника, которые, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Щит таких гербов зачастую нес в качестве одной из главных фигур изображение восьмиконечного креста, который отражал священное служение предков нового дворянина. Определенно приоритетное развитие в области эмблематики получили *exlibris*'ы, принадлежащие духовенству. На книгах архимандрита Антонина (Капустина, 1817-1894), известного церковного археолога и начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стоял штамп с изображением кочана капусты и девизом: «Невкусен, да здоров»... Однако говорить о сложении русской церковной геральдики в XVIII-XIX вв. преждевременно. Подчиненная роли Церкви в Синодальную эпоху и униженное положение духовенства по отношению к дворянству вступало в противоречие с самой сутью герба как знака независимости и достоинства.

Сегодня, когда наши соотечественники осознают себя личностями, причастными к родовой и отечественной истории, интерес к геральдике, в том числе среди православного духовенства и мирян, заметно возрос. Вопрос о целесообразности употребления в православной традиции геральдических символов отпадает сам собой. Цер-

¹ Текст ОГ содержит пояснения: «Крест и шапка в черных полях, прибавлены к древнему гербу Подобедовых потому, что сего рода потомок облечен знаменитым архиерейским саном. Сей герб Высочайше утвержден Его Императорским Величеством Июля 13 дня 1800 года. // Рода Подобедовых многие служили в древние времена Российскому Престолу дворянские службы в разных чинах и верстаны в 7105/1597 и других годах поместьями. Все сие доказывается справкою Вотчинного Департамента и родословною Подобедовых. Из сего же рода Подобедовых произошел нынешний Преосвященный Амвросий, Архиепископ Санктпетербургский, Эстляндский и Выборгский, Троицкой Александровской Лавры Архимандрит, Святейшего Правительствующего Синода Член, и Орденов: Святого Апостола Андрея Первозванного, Державного Ордена Иоанна Иерусалимского большого креста и Святого Александра Невского Кавалер». Вл. Амвросий был одним из непосредственных адресатов пожалования и получателей копии с новоутвержденной версии родового герба. Заслуживает внимания форма помещенного в первой четверти креста (повышенный трилистный), который был сочтен подобающим атрибутом священного сана вл. Амвросия. Весьма вероятно, что это была простейшая схематизация очертаний снабженного украшениями наперсного или напестольного креста, но не исключены и иные факторы выбора.

ковь вправе использовать геральдические образы «мира сего» в целях своей проповеди. В конце концов, с точки зрения, как церковного, так и естественного права – право на герб есть право всякой Богоподобной личности или же состоящей из них общины. Даже в условиях духовного стеснения в СССР Русская Церковь пыталась использовать геральдические символы. Всем памятен силуэт церкви Св. Духа из Троице-Сергиевой Лавры в гербовом щите, помещенный на обложке «Журнала Московской Патриархии». Стоит вспомнить, что сам патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский, 1877-1970) будучи дворянином, обладал фамильным гербом, хотя широко им не пользовался. Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов, 1929-1978) тоже создал свой герб, где в щите, расположенном под митрой и на митрополичьей мантии, был изображен Голгофский крест среди волн «житейского моря» в лучах восходящего солнца, сопровождаемый девизом «Собрати расточенныя». И сегодня есть отдельные попытки создать особый язык современной церковной геральдики. Патриарх Московский Алексий (Ридигер) использует монограмму в венке, оплетенном лентой цветов патриаршей мантии и увенчанным омофором, и митрой. Это же изображение на зеленом полотнище служит патриаршим штандартом. Однако символ оказывается «недостаточно» патриаршим, поскольку кроме манатейных цветов в нем нет более никаких знаков достоинства, которые были бы присущи исключительно предстоятелю Церкви. Свято-Успенский Пюхтицкий монастырь, будучи одно время ставропигиальным, также использовал в своих официальных изданиях гербовидный знак, где в геральдическом щите были традиционно скомпонованы куколь, омофор, жезл и выносной крест. С 1999 г. существует свой герб, точнее – гербообразный знак, и у Синодального Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами; обсуждалась возможность наделения гербовидными знаками всех синодальных отделов, однако конкретные разработки были весьма несовершенны, и жесткая критика со стороны представителей Геральдического совета при Президенте Российской Федерации привела к отказу от проекта. Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов) использует в своем делопроизводстве бланки с гербом Белгородской области, увенчанным омофором и митрой. Такой символ с точки зрения геральдического права является некорректным, поскольку государственно-территориальные гербы не могут использоваться как непосредственная основа или составная часть церковно-должностных или корпоративных гербов – кесарево все-таки должно быть оставлено кесарю. Администрация города Кашина, по рекомендации Государственной Герольдии, обращалась к архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору (Олейнику) с ходатайством разрешить использование митры в территориальной символике, на что было получено его согласие. В целом, как мы видим, не все существующие попытки безупречны с точки зрения существующего права, геральдических традиций, эстетических норм и смысла существования геральдики Православной Церкви в России.

Прежде всего, необходимо учитывать, что феномен геральдики сложился в рамках западноевропейской цивилизации. Ныне он представляет собой цельную систему образов, принципов и правовых норм, понятных человеку современной культуры. Не

будет большой натяжкой сказать, что любая попытка создать самостоятельную систему геральдических знаков, не связанную логически и типологически с европейской геральдикой, обречена на общественный провал. Поэтому единственный путь для дальнейшего развития православной геральдики – это путь рецепции, предполагающий осмысленное заимствование тех принципов, знаков и образов, которые сложились в европейской традиции. Поскольку здесь существует целая область католической геральдики, то острие церковной рецепции должно быть направлено именно в эту сторону. В конце концов, опыт бытия Русской Церкви дает нам немало примеров использования латинской геральдической культуры в оформлении печатей и гербов священно- и церковнослужителей XVI-XIX вв. В силу этого такая осмысленная и избирательная рецепция уже предстает перед нами как составляющая часть православной традиции.

Однако предполагаемое заимствование должно учитывать целый ряд важных культурно-исторических моментов. В первую очередь, к ним относятся восточно-христианские традиции эмблематико-геральдического характера, присущие Русской Православной Церкви. Сюда относится сфрагистическое использование образа Божией Матери и изображение благословляющих рук. Однако учитывая принципиальную разницу образного языка иконографии и геральдики, использование икон и изображений святых в гербах представляется нецелесообразным и вряд ли допустимым. Иконография Божией Матери должна вновь вернуться в епархиальное делопроизводство, а десница переключиться с печатей на гербовый щит правящего архиерея, как это уже имело место в гербовом щите патриарха Никона. Вообще, изображения иконологического характера, предполагающие присутствие в гербах образов Христа, Богородицы, ангелов и святых с соответствующими нимбами, были в целом нехарактерны для русской территориальной и личной геральдики XVIII-XX вв. Характерно решение Павла I, принятое при утверждении российской версии герба князей Аргутинских, изначально включавшего в свой состав изображение Богородицы с Младенцем: «образ святой в герб не включать» (надо заметить, что современные католические авторитеты в области церковной геральдики, и прежде всего архиепископ Бруно Б. Хейм, также находят неуместным использование образа Божия и Матери Божией в гербах). Все это, как мы пытались показать выше, проистекает из сущностного различия предназначений иконы и герба.

Несомненно, геральдика Русской Православной Церкви обязана учитывать эмблематический опыт Поместных Православных Церквей. К настоящему времени свои геральдические системы существуют у ряда Церквей; примером могут служить гербы некоторых епархий Вселенского Патриархата, Патриархатов Антиохийского и Иерусалимского, Сербской и Румынской Православных Церквей. Это имеет значение не только с практической точки зрения, но и в силу православной экклезиологии. Предполагается, что автокефалия Поместной Церкви не является безусловной, а подчиняется принципам любви и согласия. В частности, это проявляется в виде взаимных консультаций, использования практического опыта друг друга и даже возможную выработку идентичного языка «внешней культуры».

Однако едва ли не самым важным оказываются нормы и меры ограничительно-го характера, присущие самой геральдической рецепции. Рецепция предполагает не слепое копирование формы, а творческое применение принципов, понятий и терминов. В этой связи стоит задуматься, какие из геральдических знаков латинской традиции имеют право на существование в системе православной геральдики. По всей видимости, естественным образом отсеиваются те литургические атрибуты и геральдические символы, которые неупотребимы в Православии. К ним относятся тиара, кардинальская шапка и митра латинского образца, паллиум, пасторал – посох с волютобразным навершием, а исходя из контекста и ключи святого Петра в их привычной «западной» иконографии. Остальные элементы, в том числе митра, жезл, предносной крест, а равно и щитодержатели, с успехом использованные в гербах выдающихся православных иерархов XVII в., должны быть оставлены как уже воцерковленные. Стоит заметить, что смысловая роль предносного креста Предстоятеля в православной геральдике совершенно отлична от аналогичных по композиции элементов католических церковных гербов. Здесь используются четырехконечные, шестиконечные и восьмиконечные кресты западного клира, отражающие иерархическое положение соответствующих епископов. Трудно сказать, какая из традиций явилась решающей в оформлении гербов митрополита Петра и патриарха Никона, и был ли в их гербах крест общим атрибутом епископского достоинства или же конкретным литургическим атрибутом предстоятеля.

Возможно обсудить вопрос о присутствии в гербе любого архиерея богато орнаментированного четырехконечного креста. В этом случае крест являлся бы не отображением конкретной богослужебной привилегии, а служил бы символом епископского достоинства вообще. В принципе, крест может быть восьмиконечным, поскольку в латинской традиции простой крест обозначает епископа без титула.

Однако более уважительным к богослужебной традиции было бы закрепление предносного креста в качестве геральдической принадлежности лишь для тех, кто удостоен чести его использования, и прежде всего – в качестве гербового украшения для Патриарха.

Из иных литургических атрибутов стоит использовать мантию, посох, омофор, панагию и крест, куколь, клобук, камилавку, скуфью, орарь, четки, а также дикирий и трикирий. Девиз может быть присущ любому гербу. Использование картуша, особой фигурной рамки щита, в качестве стандартного элемента церковного герба, как это иногда предлагается, не является геральдически оправданным. Картуш, будучи лишь декоративным элементом гербовой композиции, не может рассматриваться как значимый геральдический атрибут. В этом смысле более естественным является помещение в гербе намета, скорее всего – без шлема, хотя в принципе, будучи в геральдике не военным символом, а простой принадлежностью мужского герба, шлем не так уж и недопустим в гербе клирика.

Необходимо обратить внимание не только на формальные атрибуты будущих гербов, но и на отраженную в них цветовую гамму. С одной стороны, она должна соответствовать принятым в геральдике традициям оформления герба. С другой сторо-

ны, ей необходимо учитывать цветовую символику литургических облачений Православия, предполагающую, что Господский цвет – красный и белый, зеленый соответствует – чину преподобных и празднику Троицы, бордовый или красный – чину мучеников и апостолов, золото – святительскому чину, голубой цвет – цвет Богородичных облачений. Вместе с тем сложился определенный цветовой код, присущий церковному сану. Патриаршим цветом считается зеленый, голубой – митрополичьим, фиолетовый или синий – архиерейским, черный присущ монашеству.

В самом общем виде идеальный *полный* герб архиерея должен представлять собой щит, увенчанный митрой с крестом, из-под которой выступает развернутый малый омофор, тогда как позади щита скрещены жезл с сулком и посох¹. Эта композиция разворачивается на фоне клобука с развернутой наметкой или мантии; возможно сочетание обоих последних элементов. Внизу из-под щита выступает панагия – одна или с наперсным крестом (но возможно, вслед за гербом Никона, и размещение панагии над щитом); возможны две панагии, если архиерей удостоен этой чести. Патриарх или экзарх меняет посоха на предносной крест, а патриарший жезл изображается без сулка. Вместо митры на патриаршем гербе изображается куколь.

Герб может быть дополнен помещенными внизу изображениями орденов, которых удостоен его владелец.

Епархиальный герб содержит те же элементы, кроме клобука, мантии, панагии и наперсного креста. В обоих типах гербов в качестве элементов, фланкирующих щит, могут использоваться дикирий и трикирий.

Гербы монашествующих лиц могут содержать в качестве своих элементов распростертый клобук, для черного духовенства – наперсный крест в зависимости от награды. Игумен помещает за щитом жезл и посох, архимандрит в дополнение к этому – митру. Однако если игумен или иеромонах является приходским настоятелем, он должен отказаться от подобных атрибутов. Герб монастыря имеет за щитом игуменский жезл и посох, ставропигии изображают посередине крест. Вместо головного убора может появиться церковная главка или купол (в геральдическом плане это будет просто купол, фактически же появится возможность на грани геральдической корректности использовать знакомый архитектурный мотив). Четки представляются обязательными.

Белое духовенство использует скуфью (черную в любом случае, фиолетовую в случае награды), камилавку или митру. Внизу из-под щита выступают один или два наперсных креста – последнее в случае протопресвитерства. Однако возможно и их помещение над щитом.

Для герба прихода уместно приискать какой-либо характерный атрибут; он может быть, по примеру уже описанной модели герба монастыря, составлен из щита, увенчанного куполом. Герб кафедрального собора может иметь за щитом две скрещенные рипиды или же дикирий и трикирий. В любом случае возможен девиз.

¹ Завершающий раздел написан по итогам бесед с коллегой по Геральдическому совету М.Ю. Медведевым, которому автор выражает глубокую признательность за советы и необходимую информацию.

Определенная проблема возникает с внешним оформлением гербов диаконата. Единственным отличительным знаком этого священного сана является орарь, который возможно каким-либо образом изобразить в связи со щитом либо в виде ленты, либо в перекрещенном виде. Вместе с тем скрещенный орарь носится также иподиаконами и поэтому неудобен в качестве диаконского атрибута.

Поскольку указом Синода от 1898 г. даже младшим церковнослужителям разрешено ношение скуфьи черного цвета во время совершения богослужения вне храма, то этот атрибут вполне может присутствовать в их гербах.

В связи с принципами оформления должностных церковных гербов стоит проблема создания личных гербов духовенства и частных гербов церковных корпораций. Несомненно, эти принципы должны быть согласованы между собой. Такие гербы не могут содержать в себе атрибуты, не гармонирующие с общим смыслом герба духовного лица или корпорации. Символика светской власти должна быть исключена. Недопустимо изображение местного территориального герба в гербе епархии или прихода (что иногда случается). Такое использование местного символа противоречит нормам геральдического права, согласно которым герб мыслится как неотчуждаемая собственность. Исключено также помещение местного герба в одной из четвертей церковного щита, поскольку на геральдическом языке это будет обозначать включение, подчиненность или зависимость государственно-административной единицы от церковной. Вместе с тем герб епархии, монастыря или прихода может включать в свой состав значимые элементы герба местного территориального или муниципального образования, его реминисценции или коннотации.

Создание стройной системы геральдики Православной Церкви в России должно стать событием, хорошо подготовленным и компетентно осуществленным. В конце концов, искусство геральдики – это соотношение нормы и вкуса, художественной культуры и юридических правил. Воспитание вкуса и обучение нормам есть двуединая задача существования русской геральдической культуры. Необходима выработка единых принципов создания церковных гербов, принятых и одобренных не только мнением достойных иерархов и специалистов, но всей церковной полнотой. Нам видится, что включение выработанных принципов в свод канонического права Церкви и их соблюдение позволит создать не только эстетически достойную, но и канонически грамотную систему православной геральдики, вписывающуюся в юридические нормы Российской Федерации. Все корпоративные гербы, возникшие в результате такой работы, будет уместно (фактически – необходимо) направить на соответствующую экспертизу в федеральный Геральдический совет, который существует с 1999 г., и поставить на федеральный геральдический учет. Федеральный учет даст церковным гербам юридическую защиту, введет их в единое информационное пространство, станет гарантией их корректности и обеспечит их эффективную и органичную интеграцию в среду официальных символов, употребляемых в России. В конечном счете это будет способствовать Русской Православной Церкви в совершении ее главного предназначения – исполнить Евангельскую миссию.